DOI 10.15826/izv2.2017.19.2.037

УДК 94(495) + 94(100)“.../05” + 316.344.43

Т. В. Куш

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПРАВЯЩИЙ КЛАСС ЭПИРСКОГО ДЕСПОТАТА: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ

Рец. на кн.: Денисов С. А. Политическая элита Эпирского царства в 1205–1261 гг. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 398 с. (Medievalia [series minor])

В рецензии анализируется новый опыт изучения «эпирского варианта» византийской государственности, структуры и политического поведения местного правящего класса. Указана актуальность избираемой исследователем тематики в рамках изучения истории Эпирского деспотата и репрезентативность источниковой базы. Подчеркнута важность проведенного просопографического исследования, позволившего выявить состав правящего класса Эпира. Отмечаются факторы консолидации духовенства и представителей местной и пришлой аристократии вокруг династии Дук-Комнинов, причины стабилизации внутривизантийской ситуации в Эпире, принципы легитимации власти правителей. Особое внимание уделяется идее автора о сплочении политической элиты на начальном этапе формирования Эпирского государства и последующей ее деkonsолидации. Выделены некоторые дискуссионные вопросы, связанные с изучением политической истории Эпирского царства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Эпирский деспотат; политическая элита; Дуки-Комнины; византийская государственность; легитимация власти.

Рецензируемая монография С. А. Денисова посвящена востребованной в современной гуманитарной науке проблеме политической организации государств на разных этапах их исторического развития. Структура и принципы формирования властной элиты, ее место в политическом ландшафте эпохи, экономические основы могущества и характер ее социального поведения — эти темы входят в круг вопросов, которые в настоящее время активно разрабатываются историками.

В поле зрения С. А. Денисова попала сложная фаза развития византийской государственности после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Последовавшее за этим событием создание на руинах империи греческих государств «в изгнании» определило разные векторы развития трех частей Византийской империи — Никеи, Эпира и Трапезунда, в равной степени наследовавших византийскую политическую систему. Несмотря на схожесть этих греческих государств «на старте», логика развития каждого из них привела к формированию на протяжении XIII в. трех самобытных политических моделей. Изучение «эпирского варианта» византийской государственности, анализ структуры

© Куш Т. В., 2017

и политического поведения местного правящего класса имеет принципиальное значение для понимания сущности и специфики развития этого осколка некогда великой империи ромеев. Обращение к истории Эпирского царства особенно актуально, поскольку оно всегда оставалось в тени более привлекательных для исследователей Никейской империи и Трапезунда. Собственно, мы не имеем ни одной работы на русском языке, которая была бы посвящена истории этого греческого государства. Да и в зарубежной византистике после фундаментальных исследований Б. Ферьянчича и Д. Найкола к истории Эпира исследователи обращались чаще «по касательной». Из современных ученых, изучающих эпирский период, можно назвать лишь несколько фамилий (Г. Принцинг, А. Ставриду-Зафрака).

Исследование С. А. Денисова опирается на обширный круг источников: актов, исторические труды, эпистолярные и агиографические сочинения, сфрагистические и нумизматические памятники, эпиграфические данные. Развернутый источниковедческий анализ использованных документов, а также историографический обзор работ, касающихся поднимаемых вопросов, выделен автором в самостоятельную главу.

Основное содержание работы концентрируется на изучении структуры политической элиты Эпира и принципов ее формирования. С. А. Денисов показывает, как после 1204 г., когда обособилось Эпирское государство, шел процесс формирования новой элиты за счет консолидации вокруг правящего дома Дук-Комнинов духовенства и представителей местной и пришлой аристократии (гл. 2). Заслуживает внимания утверждение о том, что система наместничества, распространившаяся в Эпире при Дуках, способствовала стабилизации внутривластной обстановки, поскольку предотвращала конфликты внутри династии (с. 75). Говоря о составе правящего класса (этого термина автор, правда, избегает), С. А. Денисов выделяет несколько групп: местные землевладельческие кланы (Мелисины, Петралифы и Малиасины); этническая знать (албанского, владарского, сербского происхождения); чиновная знать, представленная выходцами из других районов Балкан, инкорпорированными в состав эпирской элиты (ее он определяет как «связующая группа» между императором и местной земельной аристократией — с. 89); высшее духовенство. Убедительным выглядит один из ключевых выводов работы — о замыкании каждой из этих групп (с. 135). В работе приведены списки лиц, входивших в ту или иную группу, указаны *cursus honorum* для каждой персоналии, собраны все известные факты о их экономическом положении и ранге в придворном окружении. Эта просопографическая часть работы сама по себе очень ценна.

Наряду с детальным анализом структуры политической элиты, автор книги уделил большое внимание факторам ее консолидации на начальной фазе становления Эпирского государства. Нельзя не согласиться с утверждением, что выделенные факторы (родственные связи, дружеские и патронатные отношения) способствовали сплочению правящей верхушки и сохранению ее замкнутого

характера, а также обеспечивали местной элите возможность отстаивать свои интересы (с. 132).

В работе наглядно показан не только процесс формирования элиты на первом этапе развития Эпирского государства (до 1230 г.) и ее постепенного замыкания, но и последующая деконсолидация элитарных групп (гл. 3). Среди главных факторов, определивших данный вектор развития, С. А. Денисов справедливо называет развитие системы наместничеств, означавшей для Эпира распад на «уделы», а также осложнение внешнеполитической ситуации на Балканах. Постепенная децентрализация Эпира приводила к разрыву прежних связей между центром, наместниками и местными элитами (с. 205).

В книге уделено особое внимание принципам легитимации власти эпирских Дук и восприятию законности этой власти светской и духовной элитой (гл. 4). Отмечу комплексность подходов, с помощью которых в книге решается поставленная задача. Автор применяет анализ идеологических конструктов, заключенных в патронимах, титулатуре и официальных обращениях; дает характеристику иконографических образов представителей дома Дук-Комнинов (изображения правителей на монетах и печатях являлись лучшим пропагандистским способом укрепления власти); анализирует политический лексикон официальных документов и эпистолярных сочинений; определяет особенности и способы самоидентификации аристократии и духовенства; выявляет характер восприятия власти Дук политической элитой. Ценной представляется высказанная мысль о «симбиозе региональной и универсалистской идей», реализованной в политической модели Эпира (с. 295).

Автор книги при характеристике тех или иных явлений, тенденций, феноменов стремится провести аналогии как в диахронном (сравнивая с подобными ситуациями в XII в.), так и в синхронном срезе, апеллируя к фактам из истории Никейской империи и Трапезунда. Благодаря таким параллелям, поиску общего и различного в судьбах греческих государств, удастся показать своеобразие и динамику политических процессов, протекавших в Эпире.

Книга снабжена приложениями, в которые помещены карты, отражающие территориальные изменения Эпирского царства, генеалогическая схема эпирских Дук, фотографии печатей правителей, таблицы, графики, что, безусловно, придает материалу иллюстративности, однако, хотелось бы иметь в распоряжении также индекс имен и географических названий.

Тем не менее, некоторые выводы вызывают возражение или требуют дополнительной аргументации. С. А. Денисов оговаривает, почему он не употребляет название «Эпирский деспотат» (с. 220), предпочитая такие понятия, как «Эпирское государство» или «Эпирское царство» (*passim*). Он также старательно избегает употребления слов «василевс», «деспот» по отношению к эпирским правителям. Возможно, название «Эпирский деспотат» не совсем удачное, но все же оно более подходящее, нежели «царство». Для времени после 1230 г. уж точно допустимо применение именно определения «деспотат». И, соответственно, очень спорно утверждение о том, что от употребления понятия

«деспотат» применительно к Эпиру отказались другие исследователи (см. например, раздел «Эпирский деспотат и империя в Фессалонике» С. Морриссон в капитальном труде «Византийский мир. Византия и ее соседи, 1204–1453» [Le monde Byzantin, p. 311]).

Говоря о нескольких «типах легитимации власти императора» XI–XII вв., следовало бы упомянуть, наряду с перечисленными (с. 217–219), и базовый для византийской политической практики принцип избрания василевса Сенатом, армией и народом. Именно их согласие, проявлявшееся во время коронационных процедур, обеспечивало легитимность новому правителю. Даже в Палеологовское время будут следовать древнему обычаю всеобщего одобрения в момент помазания нового василевса. Во время единственной в истории Эпирского государства коронации (венчание Феодора I Дуки в 1227 г.), вероятно, формально также было соблюдено это правило, хотя источники и умалчивают об этой детали (но упоминание Акрополитом о проскинизе косвенно об этом свидетельствует).

На основании того, что термин «деспот» мог быть частью титулатуры василевса (с. 223, 225), С. А. Денисов ставит знак равенства между титулом «деспот» и «василевс», поэтому в обозначении правителей Эпира только деспотами, без упоминания слова «василевс», в частности, на печатях и хрисовулах, видит намек на их императорский статус. В качестве доказательства автор книги приводит использование термина «деспот» на императорских печатях правителей XII в. из династии Комнинов и Ангелов. Отсюда следует логическое заключение, что наличие формулы «деспот» на печатях того же Михаила II Дуки может означать его императорский титул (с. 225). Не исключая, что С. А. Денисов в чем-то прав, рассматривая употребление формулы «деспот», действительно являвшейся частью императорской титулатуры, как сигнал об императорском достоинстве его обладателя. Но, на мой взгляд, это все же не до конца разрешенный вопрос. Мы вновь возвращаемся к полемике между А. П. Кажданом и Б. Ферьянчичем по поводу происхождения титула «деспот». Как показал А. П. Каждан, титул «деспот» в XII в. еще не превратился в официальный $\alpha\varsigma\iota\alpha$, но уже применялся также для высших чинов империи, не только для императора [Каждан, с. 42–44]. Вероятно, что в XIII в. «деспот» — это уже самостоятельный титул, не тождественный императорскому званию и находящийся ниже его. И как показывает трактат Псевдо-Кодина, к середине XIV в. завершилась его эволюция: «деспот» — самый высокий титул, занимающий первую позицию в иерархии чинов сразу после василевса [Pseudo-Codinos, p. 133.3–7].

Приводя список представителей элиты (с. 81–105), следовало бы дать греческое написание имен, поскольку возможны разночтения при передаче византийских фамилий на русский язык. Например, в тексте дана одна форма написания фамилии — Глав (с. 86), но возможна и другая передача родового имени — Гла́ва. Не соглашусь с включением в состав политической элиты Эпира некоторых имен. В списке значится Елена Мелисина (с. 82). То, что она была женой пансеваста и завещала земельные владения церкви, не делает ее особой, входящей в правящий класс государства. Точно также «политической заслугой»

некой Мелисины (с. 81) можно считать лишь ее удачное замужество — сперва за наместником Эпира Сенахеримом, а затем, после его смерти, за Михаилом I Дукой. Те же замечания относятся и к остальным женским именам в этом списке. Все же нужно разводить понятие «политическая элита» и «клан», «родовая знать».

Есть ряд технических замечаний. Так, в оглавлении не указаны страницы глав. Поскольку параграфам, на которые разбиты главы, предшествуют вводные замечания, то пропуск нумерации страниц каждой из глав в оглавлении дезориентирует читателя. Есть неточности в написании имен и фамилий авторов, на работы которых даны ссылки: *М. А. Бутырский* вместо *М. Н. Бутырский* (с. 305, 333), *Н. Н. Гурулева* вместо *В. В. Гурулева* (с. 56, 334), *R. Macridis* вместо *R. Macrides* (с. 15, 151), *J. Shappard* вместо *J. Shepard* (с. 14, 341), *J. Darrozès* вместо *J. Darrouzès* (с. 155, 343). В Списке сокращений не указан сборник «Античная древность и Средние века», на статьи из которого автор неоднократно ссылается, приводя лишь его аббревиатуру (АДСВ) в библиографическом описании.

В целом, автор рецензируемой монографии, комплексно исследовав состав эфирского правящего класса и определив место элит в политической системе Эфирского деспотата, сумел показать специфику становления и вектор развития этого греческого государства, а также выявить локальные особенности развития византийской государственности в период распада империи ромеев. Предпринятую попытку анализа взаимоотношений эфирских правителей и властных элит, выполненную в русле современных методологических подходов, можно признать удачным опытом изучения политической истории Эпира — этого «осколка» Византийской империи.

Каждан А. П. Севастократы и деспоты в Византии XII в. Несколько дополнений // Сборник Радова Византологического Института. 1973. Т. 14–15. С. 41–44.

Le monde Byzantin. Т. 3 : Byzance et ses voisins, 1204–1453 / ed. A. Laiou, C. Morrisson. Paris : Presses Univ. de France, 2011.

Pseudo-Kodines. Traite des offices / Introd., texte et traduction par J. Verpeaux. Paris : Éditions du CNRS, 1966.

Рецензия поступила в редакцию 10.04.2017

Куш Татьяна Викторовна

доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой истории
Древнего мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: tkushch@yandex.ru

Kushch, Tatiana Viktorovna

Dr. Hab. (History), Associate Professor,
Head of Chair of the History of the Ancient
World and Middle Ages
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: tkushch@yandex.ru

**THE RULING CLASS OF THE DESPOTATE OF EPIRUS:
A RESEARCH ATTEMPT**

Review of Denisov, S. A. (2017). Politicheskaia elita Epirskogo tsarstva v 1205–1261 gg. [Political Elite in the Principality of Epirus between 1205 and 1261]. Medievalia. Moscow; St Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.

This review analyses the new research of the ‘Epirus model’ of Byzantine statehood, the structure and political behaviour of the local ruling class. The reviewer emphasises the topicality of the issue in question, concerning the history of the Despotate of Epirus, as well as the substantial source basis. She also underlines the importance of the prosopographic analysis conducted which helped reveal the structure of the ruling class of Epirus. The book under review focuses on the factors of consolidation between the clergy and members of local and newly come aristocracy close to the Doukai-Komnenoi dynasty, reasons for the stabilisation of the internal political situation in Epirus, and the principles of legitimation of the governor's power. Special attention is paid to the author's idea about the rallying of political elite at the initial stage of the Epirus state formation and its subsequent deconsolidation. The reviewer singles out some debatable issues connected with the study of the political history of the Despotate of Epirus.

K e y w o r d s: Despotate of Epirus; Political Elite; Doukai-Komnenoi; Byzantine statehood; legitimation of power.

Kazhdan, A. P. (1973). Sevastokratory i despoty v Vizantii XII v. Neskol'ko dopolnenii [Sebastocrats and Despots in Byzantium in the 12th Century. Some Additions]. *Zbornik Radova Vizantološkog Instituta*, 14–15, 41–44. (In Russian)

Laiou, A., & Morrisson, C. (Eds.) (2011). *Le monde Byzantin. Vol. 3 : Byzance et ses voisins, 1204–1453*. Paris: Presses Universitaires de France. (In French)

Verpeaux, J. (Ed.). (1966). *Pseudo-Kodines. Traite des offices*. Paris: Éditions du CNRS. (In French)

Received on 10 April, 2017